

12 ИЮН 1988

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

Последняя роль Анатолия Папанова в кино

ЗАВЕЩАЛ УМНОЖАТЬ ДОБРОЕ

Встретиться с Анатолием Дмитриевичем Папановым в июле прошлого года помог мне случай: в Центральном Доме кинематографистов предстоял дополнительный дневной просмотр одного из фестивальных фильмов. Билеты были без мест, и всегдашние Дома потянулись в зал пораньше. Папанов же появился за несколько минут до начала. Места были заняты. Анатолий Дмитриевич беспомощно оглядывался. И тут-то сидевший рядом со мной актер Иван Рыжов, для кого-то державший место, окликнул его. Усаживаясь рядом, Папанов расстроганно бормотал: «Должны были найтись наши люди, знал же я, наши найдутся... Ваня, здравствуй! Дорогой ты мой!»

Ветераны расцеловались, затем оживленно заговорили. За несколько минут перед фильмом они торопились поведать друг другу последние вести. С прекрасным киноактером Иваном Петровичем Рыжовым я был знаком давно, поэтому он и представил меня Анатолию Дмитриевичу. Папанов казался крепким, энергичным. И мысли не возникало о близкой его потере. Меньше чем через месяц...

Говорят, сдало сердце. В Литве, в дни гастролей Театра сатиры, я надеялся, что найдется время, и мы продолжим наш разговор с Папановым. Он играл в спектаклях, встречался с кинозрителями на творческих вечерах. И вдруг... Не верилось, что его больше нет. Вспоминаю теперь его спектакль почти тридцатилетней давности — «Дамоклов меч» Назыма Хикмета. Папанов играл в нем Воксе-ра. Зло, броско, остро. Эту работу актера сразу заметили. Мне кажется, что именно тогда началась сценическая слава Анатолия Дмитриевича.

А кинослава пришла только через десять лет, когда

Папанов неожиданно для всех перевоплотился в генерала Серпилина в экранизации симоновского романа «Живые и мертвые».

На экране большинство образов актера вызвали, как правило, горький смех. А в жизни у него была застенчивая улыбка, словно Анатолий Дмитриевич виноватился перед нами, что вот, мол, приходится играть дуболомов, озвучивать Волка...

Мне больше нравятся другие роли Папанова: психологические, драматические фильмы «Наш дом», «Живые и мертвые», «Белорусский вокзал». И вот, когда почти год прошел после нашей утраты и боль в сердце еще не зарубцевалась, Анатолий Дмитриевич вновь вышел на экран. В фильме, названном прицельно: «Холодное лето пятьдесят третьего...»

Эта последняя роль актера кажется мне теперь его завещанием. Папанов всегда необычайно серьезно относился к искусству. «Есть такое выражение, — говорил он, — «мода на артиста», когда одного и того же актера снимают десятки раз подряд в сходных ролях. Герой как бы автоматически переносится из фильма в фильм, и мы видим на экранах не человеческую индивидуальность героя, а штампованный лик. Сам же актер попросту «изнашивается». А сколько бывало случаев, когда популярными именами спасали плохие картины?»

В «Холодном лете пятьдесят третьего...» Анатолий Дмитриевич открывает нам сложную и неординарную человеческую судьбу, за которой встают трагические страницы недавней истории. Ведь с лета 1953-го начинается новый этап в жизни народа: после смерти Сталина разоблачен и арестован Берия. Страна — на пороге долгожданного перемен.

Папанов был оптимистом. «Искусство призвано воспи-

тывать героизм, патриотизм, любовь к Родине», — неоднократно повторял он. Это убеждение актера — выстрадано. Напомню тем, кто не знает: Анатолий Дмитриевич родился в смоленском городе Вязьме, переехал с родителями в Москву, работал токарем на заводе, занимался в самодеятельности. С первых дней войны — на фронте. Командовал взводом зенитной артиллерии. Старший сержант. В 42-м тяжело ранен под Харьковом. В двадцать один год инвалид. На занятия актерского факультета в ГИТИС приходил с палочкой: болела нога, раздробленная осколком. Затем последовал дебют на театральной сцене, стали приглашать в кино, на телевидение.

Однако это не все. До войны в биографии Папанова был еще и девятидневный арест по ложному обвинению. Его отпустили. Хотя тогда фактически ходатайств о помиловании не принимали.

Так вот, последняя роль Папанова несла и этот элемент личного, пережитого. Его героя из «Холодного лета пятьдесят третьего...» зовут Копальчем. Много копал в лагере. До войны он работал главным инженером крупного завода, знал наркома Серго Орджоникидзе. Это обстоятельство и привело к аресту. Жене и сыну сказали, что он «враг народа». Его лишили права переписки, он пропал для всех. А в июле 1953-го Копальч оказался уже на поселении, пять лет после лагерей он должен был жить тихо-мирно, под надзором участкового милиционера. Без паспорта. В старенькой телогрейке, полуголом. В северной прозерной деревне, где перегибы культа личности и война выбили почти всех мужиков.

Папанов докапывается до самых глубин своего героя. Он показывает, как в клетке ветаном Копальче живет природный труженик, в

нем не угасла надежда еще поработать на воле, не загублен человек. Узнав об аресте Берия, он взволнованно бормочет: «Я знал! Я знал, что это чудовищная ошибка!»

И вот нет уже на экране униженного Копальча. К нему возвращается доброе имя — Николай Старобогатов. Кличка отбрасывается, как ярлык. Бывший узник преобразуется. Оттаивает его душа, теплеет взгляд. Психологический перепад Папановым подчеркнут, высветлен. Человек распрямляется! Но ему еще предстоит новые испытания. После смерти Сталина, преследуя свои преступные цели, Берия объявил поголовную амнистию уголовникам. Страну наводнили матери бандюги, в то время как многие безвинные жертвы, «политические», все еще были в заключении.

Авторы фильма — сценарист Э. Дубровский и режиссер А. Прошкин — не выдумали этой истории. Хотя порой она кажется фантастической. Да, сюжет взят из реальной жизни, вырос из фактов действительно еще холодного лета 1953 года. Но картина конструктивно сочетает в себе психологическую драму и захватывающее приключение. Полижанровая ее структура — не самоцель авторов, а удачно найденная модель зрелища, с одной стороны, и серьезного произведения, с другой.

...Освобожденные уголовники, естественно, обращаются к старому: организовавшись в банду, они обрушиваются на тихую рыбацкую деревню. Будто нечто бесовское разгулялось на зеленом острове. И спасти тех, кого еще не убили уголовники, выпадает «политическим» поселенцам: Копальчу и его товарищу по ссылке Лузге (виртуозно играет эту роль Валерий Приемыхов). Лузга — это фронтовой разведчик Сергей Басаргин, всего лишь на день попавший в

плен к немцам, но и за это «загримевший» в лагерь. Судьба тоже типическая, невыдуманная, горькая.

Правда пронизывает весь фильм. Правда природы, правда поведения персонажей, правда режиссерской интонации. Правда ситуации — да, не раз схватывались бывшие «политические» с уголовниками: и в лагерях, и на поселении. В неравной схватке на острове погибает Копальч. И спустя несколько лет после реабилитации в московское жилище бывшего инженера Старобогатова приходит лишь один Басаргин, чтобы сообщить семье погибшего товарища правду — тот никогда не был «врагом народа».

«Холодное лето пятьдесят третьего...» завершается стоп-кадром. На экране — лицо Анатолия Дмитриевича Папанова, актер в гриме и костюме Копальча — Старобогатова. Так авторы словно напоминают нам о последнем вкладе в кино замечательного художника.

«Я люблю свой труд, — говорил Папанов. — Актерский труд. Он требует и упорной выносливости, и умения себя мобилизовать. Ну и, конечно, таланта. И если бы пришлось все начать сызнова, я выбрал бы ту же дорогу, потому что не знаю лучше. Самое прекрасное и самое главное в искусстве актера — это человековедение. Мы, актеры, счастливы, когда в результате нашего труда возникает образ человека с его чувствами, стремлениями, надеждами, образом, в который зрители верят и начинают относиться к нему, как к живому...»

...Поклонимся же судьбе, что выбрала она для Анатолия Дмитриевича такую последнюю роль: его герою веришь, он как живой. Он завещает нам бороться, чтобы умножить доброе на нашей земле!

Юрий ТЮРИН.